

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.010

УДК 94(571.122)''1920/1921'' :344.131.3(091)

ББК 63.3(2Рос— 6Хан-2Сургут)613

О.Н. СТАФЕЕВ

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОДА ВООРУЖЕННЫХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ В СУРГУТСКОМ УЕЗДЕ
1921 ГОДА**

O.N. STAFEEV

**RECONSTRUCTION OF THE COURSE
OF ARMED DEMONSTRATIONS
IN SURGUT DISTRICT IN 1921**

Составной частью гражданской войны в России являлось крестьянское движение, имевшее разнонаправленный характер: как за, так и против Советской власти. Особенно широкий размах оно приобрело во второй половине 1920–1921 гг., вылившись в серию антикоммунистических крестьянских восстаний. Одним из крупнейших восстаний был так называемый Западно-Сибирский крестьянский мятеж. Одним из регионов восстания был Сургутский район.

Статья посвящена ходу вооруженного выступления в Сургутском уезде 1921 года. Историографическая ситуация по теме исследования обусловила ее цель: реконструкция ход вооруженного выступления в Сургутском уезде с учетом социально-экономических особенностей региона. При исследовании, используя методы источниковедческого анализа, сравнительно-исторического автор проанализировал серьезный объем материала, в результате анализа были выделены основные меры советских органов власти по предотвращению выступления, центры восстания. Реконструированы причины поражения советской власти в регионе, его ошибки и личный фактор в процессе. На основе архивного материала реконструирован сам ход вооруженных столкновений между восставшими и отрядами большевиков. Выделены основные этапы вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году.

An integral part of the Russian civil war was the peasant movement, which had a multidirectional character: both for and against the Soviet government. It became especially widespread in the second half of 1920–1921, resulting in a series of anti-communist peasant uprisings. One of the largest uprisings was the so-called West Siberian Peasant Revolt. One of the regions of the uprising was the Surgut district.

The article is devoted to the course of the armed uprising in Surgut district in 1921. The historiographical situation of the research topic determined its purpose: to reconstruct the course of an armed demonstration in Surgut county, taking into account the socio-economic characteristics of the region. During the research, using the methods of source analysis, comparative historical, the author analyzed a serious amount of material, as a result of the analysis, the main measures of the Soviet authorities to prevent the uprising were identified. The reasons for the defeat of Soviet power in the region, its mistakes and the personal factor in the process are reconstructed. Based on archival material, the course of armed clashes between the rebels and the Bolshevik detachments has been reconstructed. The main stages of armed actions in Surgut district in 1921 are highlighted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война, крестьянское движение, Сургутский уезд, Западно-сибирское крестьянское восстание, подавление восстания.

KEY WORDS: Civil war, peasant activity, Surgut district, Western Siberia peasant's rebellion, suppression of the uprising.

ВВЕДЕНИЕ. Гражданская война всегда являлась одной из приоритетных тем советской и российской историографии. Важной составной частью гражданской войны являлось крестьянское движение, имевшее разнонаправленный характер: как за, так и против Советской власти. Особенно широкий размах оно приобрело во второй половине 1920–1921 гг., вылившись в серию антикоммунистических крестьянских восстаний.

Сургутское или Сургутско-Нарымское восстание, являвшиеся составной частью Тобольского восстания 1921 г., слабо изучено в науке. Исследования данной темы были опубликованы в 3 этапа по ходу изучения Западно-Сибирского мятежа. В основном это малоформатные издания (тезисы и доклады). Наиболее ранняя публикация, рассматривающая данную тему, была опубликована в 1923 г. и написана непосредственным участником событий Х. Хейфецом [34], находилась в фонде И.П. Захарова. Большой вклад работа Х. Хейфеца внесла в освещение причин восстания в районе, военной стороны освобождения края, что наиболее ценно при учете использования автором дневника войск обороны Нарымского и Сургутского края и самим участием Х. Хейфеца в подавлении восстания. В данной работе перечислены основные отряды красных войск, сражения и их точное описание. Большой интерес представляет воззвание восставших к жителям нарымского края и численность сражавшихся с той и другой стороны. [16, л.2]. Большой интерес с точки зрения реконструкции хода вооруженного выступления в Сургутском уезде отложившиеся в фонде Ф.Я. Показаньева воспоминания непосредственных участников событий, в них раскрываются события восстания и ход подавления с точки зрения его непосредственных участников. В фонде Ф.Я. Показаньева отложились воспоминания А.К. Вейса, К.Ф. Лукичева, М.В. Хорохордина и др. [19, 20].

Новым этапом в исследовании темы Сургутского восстания была публикация работы И.Т. Белимова «Разгром кулацкого мятежа в Сургутском уезде в 1921 г.», изданной в 1958 г. и напечатанной в газете «К победе коммунизма» в 1983 году [1], которая носит более проблемный характер, чем статья Х. Хейфеца. Написана данная работа с позиции марксистско-ленинской идеологии и в русле советской концепции Западно-Сибирского мятежа. При этом ключевую роль в анализе причин восстания он отводит продрозверстке, отмечая «мелкобуржуазный» характер населения и его отношение к политике большевиков. Положительным моментом данной работы является привлечение ранее не использовавшихся источников для анализа данной проблемы, рассмотрение ситуации предшествующей восстанию, а именно «тихое» противостояние крестьянства и советской власти. Отмечены моменты организации власти повстанцев, участие «иностранцев» в восстании. Движущей силой выступления, автор выделяет, кулачество, торговцев, рыбопромышленников, чиновников, при этом доказательной базой данного утверждения являются описи имущества восставших, с субъективной выборкой источника. Данная работа являлась базисной при рассмотрении недовольства крестьян в 1921 году, при изучении истории Сургутского края в работах краеведов [24; 25; 26; 27; 28; 29].

В постсоветское время наибольший интерес представляют работы В.И. Николаенко, В.В. Цысь. В.И. Николаенко рассматривает Сургутское восстание в очерке «Время трагедий», и освещает его в русле становления Советской власти в Сургуте (1918–1923 гг.) [21]. Наряду с этим большой интерес вызывает очерк «Из истории восстания 1921 г. в Сургутском уезде» [22].

В.И. Николаенко реконструирует причины восстания и деятельность восставших на территории уезда, восстановленная на основе материалов следственных дел, хранящихся в архиве ФСБ по Тюменской области и недоступных широкому кругу исследователей. Исследователь выделяет два этапа в управлении уездом во время восстания: 1 этап — с 9 марта 1921 г. по 28 марта 1921 г. — гражданская власть в лице «Комитета общественной безопасности» и 2 этап — 28 марта 1921 г. по 22 мая 1921 г. — военная власть в лице «Сургутского народного штаба Народной армии по борьбе с коммунизмом». Показано изменение отношения населения к восстанию. Освещена картина эвакуации большевиков из города. В ходе работы

внесен большой пласт ранее не использовавшихся источников. Восстановлена определенная цепь событий, как, например, формирование органов власти повстанцев и их основная деятельность.

Причины вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году, через призму особенностей региона, попытался реконструировать в своей работе Стафеев О.Н. [32]

Большой вклад в изучение Сургутского восстания внес В.В. Цысь. В его работах были рассмотрены вопросы особенностей организации власти и внутренней политики участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. в г. Сургуте и Сургутском уезде, биографии и роли Сургутской интеллигенции в западно-Сибирском восстании, причин Западно-Сибирского восстания [36, 37, 38, 39]. Результатом исследовательской деятельности Валерия Валентиновича стала обобщающая монография анализирующая Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года на Тобольском Севере. Автор в комплексе рассмотрел причины, политику восставших на Обь-Иртышском Севере, ход ликвидации, итоги и последствия крестьянского восстания 1921 года, не акцентируя внимания на Сургутский уезд как один из центров восстания. [35]

Историографическая ситуация обусловила **ЦЕЛЬ** работы: реконструкция ход вооруженного выступления в Сургутском уезде с учетом социально-экономических особенностей региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Источниковую базу работы составили материалы МКУ «Муниципальный архив города Сургута» (СГА — Ф.154, 158, 184, 185, 217) и Государственный архив социально-политической истории Тюменской (ГАСПИТО — Ф.1, Ф.112, Ф.4048, Ф.1545). Главная особенность источниковой базы заключается в том, что подавляющее большинство материалов принадлежит органам большевистской власти и их представителям. Документы самих повстанцев составляют незначительную долю. Тем не менее, использование источниковедческого анализа, сравнительно-исторического, метода периодизации позволили провести реконструкцию хода вооруженного выступления в Сургутском уезде 1921 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Несомненным фактом является то, что данные события явились одними из самых кровавых в истории края. Без исследования и реконструкции хода вооруженных выступлений в Сургутском уезде 1921 года невозможно рассмотрение истории Ханты-Мансийского автономного округа и города Сургута. В связи с этим интерес представляют цели тобольских восставших в их стремлении на север, и последствия, к которым, по мнению губернских руководителей, могло привести свержение большевистской власти на Тобольском Севере. При исследовании данной проблемы большой интерес представляет «Ежедневная информационная сводка», переданная по прямому проводу 20 марта 1921 года из Тюмени в Москву, где отмечается ряд последствий, а именно:

1. Затягивание восстания в силу естественных условий, а именно отсутствия дороги и весенней распутицей.
2. Срыв громадных заданий по вывозу больших запасов пушнины и рыбы, а также переброски туда продовольствия.
3. Возможность помощи «Народной Армии» через Карское море, Северный Ледовитый океан и Обскую губу странами Антанты.
4. Тобольский Север граничил с пятью губерниями: Тобольской, Енисейской, Пермской, Вологодской и Архангельской, в связи с этим опасность переноса повстанческого движения в данные регионы [3].

Наиболее объективными последствиями, а также причинами стремления восставших на Тобольский Север, является именно перенос повстанческого движения в другие регионы Сибири, особенно в Восточную Сибирь, где в 1920 году уже вспыхивал ряд восстаний [30, с. 121-139]. Наряду с этим стоит отметить, что на Юго-Западном направлении, движение повстанцев было остановлено. Это обусловило стратегическую важность Северо-восточного направления. Большую роль, несомненно, играл и продовольственный вопрос в данной про-

блеме, особенно для Советской власти. Что касается предположения о помощи восставшим Антанты, то это, несомненно, является домыслами ответственных работников Тюменской губернии.

В Сургуте об опасности переноса повстанческого движения узнали 20 февраля из телеграммы, образованного в Обдорске, Тобольского Северного военно-революционного комитета (Тобсеввоенревкома — О.С.). Председателем Тобсеввоенревкома утверждался Протасов-Жизнев, членами ревкома: комвойск — В. Данилов, помощник комвойск — М. Хорохорин, а также товарищи Волков и Сосунов [20, л.36]

Основные меры по предотвращению вооруженных выступлений на территории Обь-Иртышского Севера были изложены в приказе № 4 Тобсеввоенревкома, от 20 февраля 1921 года [33, С. 66-67].

Анализируя данный документ, можно выделить основные направления политики большевиков в данном направлении, а именно:

1. Создание военных органов власти революционных комитетов, сконцентрировавших в своих руках всю полноту власти на местах. Данные органы должны были заменить гражданскую власть, как в уездных центрах, так и в волостных.
2. Введение военного положения на территории Тобольского Севера.
3. Осуществление системы заложничества. Причем, как отмечалось в документе, за каждую каплю крови расстреливалось 10 человек, а за смерть коммуниста расстреливалось 20 человек, вместе с членами семьи [33, С. 66].

В Сургуте 20 февраля 1921 года был образован Уездный военно-революционный комитет в составе председателя Хорохорина, членов — товарищей Зырянова, Зорина, Томингаса и Ключарова [18, л.11], который сразу же ввел военное положение на территории уезда. Был запрещен выезд из города и населенных пунктов [18, л.12].

Как отмечается в приказе № 5, от 22 февраля Уездвоенревкома: «Все граждане оставившие с целью бегства или укрывательства, черту города, а по уезду села, деревни или юрты, в которых проживают, будут разыскиваться на местах, как явные враги Советской власти, наводящие панику на население» [18, л.16].

В Сургуте и уезде была введена система заложничества. Для выбора и ареста заложников была создана специальная инструкция, где были определены основные критерии для ареста:

1. Владение торгово-промышленными предприятиями, кузницами, трактирами и т.д.
2. Занятие торговлей и пользование наемным трудом.
3. Бывшие церковные старосты и члены городских, уездных и волостных управ.
4. Идейных противников большевистской власти, независимо от их имущественного положения. [18, л.35].

В Сургуте в заложники были взяты 11 человек, среди них большинство составляли представители старых местных родов, многие из них в дальнейшем играли большую роль в Сургутском восстании, а на начальном этапе установления Советской власти поддерживали А.П. Зырянова. На общем собрании жителей города 21 января 1920 года, по поводу перевода А.П. Зырянова из Сургута, было решено просить оставить его на месте [12, л.36]. При этом подписи взятых в заложники стояли одни из первых, что так же говорит об их большом авторитете среди населения города Сургута.

В уезде были направлены ответственные работники, которые образовали ревкомы на местах и намечали их работу. Стоит отметить, что при введении системы заложничества в некоторых населенных пунктах уже были списки неблагонадежного элемента. Так у товарища Лейтмана в селе Нижневартовском к образованию ревкома уже имелся данный список [18, л.26]. Данные списки утверждались в городе Сургуте. На посланный список Локосовского волвоенревкома, из 9 человек был получен ответ, что только двое подлежат заключению, а остальные должны были быть взяты под гласный надзор [18, л.34]. Часть заложников препровождалась в город Сургут, но по указанию политбюро уезда их задержа-

вали в селе Локосово до особых распоряжений. Причем середняков и бедняков, обвиняемых в каких-либо мелочных недоразумениях, разрешалось освобождать [18, л.20]. Чем воспользовался Локосовский волвоенревком освободивший двух инородцев, обосновывая этот факт бедняцким происхождением и отсутствием авторитета у населения. Именно авторитет, по нашему мнению, играл большую роль в выборе заложников, так как эти люди были наиболее активные, и влияли на настроения основной массы населения. Причина освобождения части заложников, на наш взгляд, заключается в том, что они должны были обеспечиваться за счет государства, что было очень накладно, например, для Локосовского волвоенревкома, который должен был содержать арестованных заложников из Лумпокольского и Ларьякского волревкомов [18, л.21]. Также отмечаются случаи побега заложников и это несмотря на то, что за них отвечали родственники. Так в городе Сургуте скрылся Клепиков Алексей Галактионович [15, л.9]. В воспоминаниях Лукичева Константина Федоровича, жителя села Тундрино отмечается, что перед приходом восставших заложники скрылись [19, л.30].

Стоит отметить, что без активной помощи и поддержки населения, сделать было это невозможно. Здесь сыграл свою роль фактор общности населения. Интересен факт, что в отличие от других территорий Сибири, в Сургуте отмечен лишь один случай расстрела заложников. Он был связан с повреждением телеграфного провода между Сургутом и Саморово. 27 февраля были расстреляны Клепиков Павел Галактионович и Сосунов Иван Ильич [18, л.9]. и еще пять заложников в Самарово и Елизарово [18, л.18].

Несомненным фактом является то, что заложники были в дальнейшем одними из самых активных участников повстанческого движения. Так как они понимали, что при восстановлении Советской большевистской власти они неминуемо понесут наказание.

Следующим направлением политики Советских органов было изъятие оружия и боеприпасов у населения. В приказе № 2 отмечается, что в течение трех дней население города и уезда должно было сдать оружие и боеприпасы. В уезде оружие хранилось в волревкомов и сельревкомов [18, л.12]. На учет брались также припасы кооперативов [18, л.42]. Из списков изъятых оружия видно, что оно представлено в основном охотничьими и устаревшими образцами вооружения, как например: дробовики, фузей, кремневые ружья.

Именно этим оружием были вооружены добровольческие отряды, которые формировались сразу после объявления военного положения, так как до восстания трехлинейные винтовки были отправлены в Тюмень [13, л.15]. Численность отрядов помощник главнокомандующего Северными войсками М. Хорохорин оценивает в 600–650 человек. Причем около 400 человек вошли в состав Северных отрядов на участке Тобольск-Самарово, 200 человек осталось в Сургуте. [20, л.49]. Данное утверждение вызывает сомнение, т.к. в воспоминаниях Томингаса Тома отмечается, что формируются отряды по 30–35 человек [13, л.15]. В докладе, направленном в Тюменской Губкомпарии, сообщается: «1-й отряд был послан в числе 70 человек..., под командой ротного командира Фомина, а затем было еще послано дня через три, второй отряд из комроты под командованием военкома Хорохорина» [4, л.117]. Стоит отметить, что в телеграмме из Обдорска отмечается, «что вооруженные силы Тобсевера крайне слабы, на громадном расстоянии не более 200 бойцов» [8, л.178].

Таким образом, численность Сургутских отрядов, влившихся в вооруженные силы Тобольского Севера, не могла составлять 400 человек. А составляла, на наш взгляд, максимум 100–130 человек, т.к., судя по документам, первый отряд составлял 70 человек. Второй формировался из комендантской роты, общей численностью около 100 человек. При этом надо учитывать, что часть данной роты осталась в Сургуте. Именно эти отряды вместе с Обдорскими и Березовскими составили основную ударную силу, которая повела наступление на Тобольский уезд. Первый бой произошел под деревней Цынгала, где большевики потерпели поражение. Причины поражения Томингас видит в плохом вооружении коммунистических отрядов [4, л.119]. Наряду с этим М.В. Хорохорин выделяет численное преимущество отрядов повстанцев и участие бывших красноармейцев Казанского полка,

перешедших на сторону восставших [17, л.98–100]. В результате этого боя отряды Тобольского Севера начинают отступление. 7–8 марта было оставлено Самарово — ключевой пункт Обь-Иртышского Севера. Это открывало повстанцам дорогу на Сургут и Обдорск. Советские отряды отступили в сторону Обдорска, чем открыли дорогу на Сургут. Причины отступления, судя по телеграммам из Обдорска, являлось отсутствие оружия и патронов [8, л.61]. Также в докладе секретаря Березовского уездного комитета РКП (б), Г. Тюрина отмечается еще одна причина отступления — это неумелое командование Данилова и его преступное поведение. Тюрин пишет: «Был случай, когда после долгого ожидания распоряжений адъютант товарища Данилова, товарищ Усков вызвал товарища Федосеева к телефону и говорил: «Делайте, как знаете, т.к. товарищ Данилов спит и пьян»» [4, л.144–148]. Таким образом, Сургутское направление осталось открытым и незащищенным.

Но вооруженные выступления в Сургутском уезде начались задолго до занятия повстанцами села Самарово. Жители Сургутского уезда знали о положении в Тобольской губернии, и в деревнях шло брожение. Как отмечает Яркова Таисия, в деревнях напевали песню, которая заканчивалась так: «... под горою лодка, под лодкой мышка, скоро белые придут, коммунистам крышка!». Несомненным фактом является то, что данные вооруженные выступления произошли под влиянием тобольских восставших. Да и сама возможность обхода основных советских частей существовала. Как сообщал Сургутский ревком Нарымскому Райвоенкому: «Есть основания опасаться проникновения противника окольными путями...» [2, л.2].

Точное место и время первого вооруженного выступления в Сургутском уезде установить не удалось. Но первый случай выступления, а именно, повреждения связи между Сургутом и Самарово был отмечен 25 февраля 1921 года [8, л.42]. Первые вооруженные выступления, на наш взгляд, были в Тундринской волости и юго-западных районах уезда. Что было обусловлено зажиточностью данных регионов и близостью с повстанческими районами. Одним из центров являлось село Сытомино, т.к. именно оттуда вышли первые руководители восстания А.Г. Третьяков и Н.А. Замытин [11, л.15]. Также в воспоминаниях очевидцев отмечается, что: «...началось восстание из враждебных элементов Тундринской волости...» [11, л.15]. В населенных пунктах арестовываются большевики и формируются отряды, которые вливаются в отряд Третьякова. Как пишет в своих воспоминаниях Таисия Томингас: «... В каждом селе, где они проходили, были уже схвачены комсомольцы, коммунисты и продработники» [13, л.20]. Вооружению повстанцев помог сам Уездный военно-революционный комитет, так как по его приказу № 2, от 20 февраля 1921 г. все изъятое оружие в уезде хранилось в Волревкомах и Сельревкомах. Таким образом, оно было сконцентрировано в одном месте, что облегчило снабжение оружием повстанцев.

Первые боевые столкновения между повстанцами и красноармейцами произошли в Зеньково и Тундрино, в начале марта. Отряд под командой товарища Бабушкина из 35 человек шел на соединение с частями, находившимися в Самарово, и попал в засаду в Зеньково. Для уничтожения данного отряда восставшие применили хитрость. Как описывает Тоисия Томингас, состоявшая в данном отряде, население приняло их хорошо и приглашало погреться по домам. Когда они разошлись по избам, то там их ждали восставшие и захватили почти без выстрелов [13, л.20]. Часть отряда была уничтожена, часть отправлена позже в Сургут и Самарово. Другой Советский отряд был направлен в Тундрино для разведки и борьбы с отрядом Третьякова. Но председатель Тундринского ревкома А.М. Комаров открыл под давлением повстанцев пароль, согласно которому отряд Шимова ничего не подозревая, подошел к Тундрино, где был уничтожен [19, л.30]. Данная хитрость с дезинформацией противника активно использовалось советскими партизанскими отрядами при борьбе с колчаковскими войсками. Так, например, был захвачен Сургут в 1919 году отрядом Башмакова, которым было передано по телеграфу, что на Сургут наступает большой отряд Красной Армии [24, с. 31]. Это говорит о возможном участии бывших красных партизан в вооруженных выступлениях против Советской власти в Сургутском уезде 1921 года. В общесибирском масштабе данные случаи

также присутствуют — это восстание под руководством Г.Ф. Рогова и выступление в Степном Алтае, где основной движущей силой являлись бывшие красные партизаны [30, с. 121–139].

В связи со сложной ситуацией, сложившейся в уезде, на объединенном заседании Ревкома и ответственных партийных работников, состоявшегося 8 марта, решили приступить к эвакуации советских учреждений и людей из города [15, л.32]. Причинами эвакуации, несомненно, послужили слабость Сургутского гарнизона и плохое вооружение. Н.П. Зырянов в своих воспоминаниях отмечает: «В отряде насчитывалось около 50 человек. Значительная часть людей пожилого возраста, не проходивших военной подготовки. Большинство бойцов было вооружено охотничьим оружием» [7, л.15–20].

Здесь также надо отметить большую ошибку А.П. Зырянова, председателя Сургутского уревкома (занял пост после отъезда М. Хорохорина на фронт — О.С.), который не разрешил волостным ячейкам юго-западной части отступить в Сургут, [19, л.30], чем погубил большое количество людей и не усилил сургутский отряд.

8 марта в приказе № 21 было объявлено о начале эвакуации, которая должна была закончиться в час ночи 9 марта. В первых подводах эвакуировались семьи коммунистов и красноармейцев, во второй партии 70 подвод пушнины и других ценных товаров. Третьей партией в 10 подвод — все советские учреждения [15, л.32]. Эвакуация проходила спешно, и в ночь с 8 на 9 марта большевики оставили город и двинулись по направлению к Нарыму. Интересен факт, что в ходе эвакуации не были расстреляны заложники, в чем обвинял А.П. Зырянова после подавления восстания председатель Сургутского уревкома Федосеев. Он пишет: «Эвакуация прошла бы вернее всего нормально, если бы уревком принял решительные меры по отношению к заложникам, которые вслед же за ними составили основное ядро и немедленно бросились вдогонку...» [14, л.20]. Также большую роль мог сыграть политком почты Ключарев, который до самого прихода восставших передавал недостоверные сведения и активно помогал повстанцам [13, л.16,20]. Это послужило одной из причин гибели отрядов и быстрой эвакуации большевиков из Сургута.

В воспоминаниях И.П. Лопарева отмечается, что Зырянов всегда был противником репрессий к арестованным [9]. Не следует отбрасывать и личные мотивы, т.к. заложники и Зырянов были довольно давно знакомы и, как отмечалось выше, именно они просили оставить его работать в Сургуте. Сразу же после эвакуации в город вошли восставшие. Были освобождены заложники, и, восстанавливая старые традиции, было организовано общегородское собрание, на котором был избран комитет общественного спасения, председателем которого был избран Андрей Иванович Кондаков. В сельской местности создавались волостные и сельские комитеты общественной безопасности. Военная власть в Сургуте передавалась Военному Совету, а в уезде — начальникам отрядов [22, с. 86].

Сразу же после организации новой власти была организована погоня за отступающими большевиками, которая была очень проблематична, т.к. красные отряды, отступая, угоняли всех лошадей [21]. Погоня нагнала коммунистов лишь в селе Нижневартовском, где произошло сражение, в результате которого погибли А.П. Зырянов, Зорин и многие другие ответственные работники. Едва не был захвачен весь обоз. В источниках и работах исследователей выделяется ряд причин окружения и поражения коммунистического отряда:

1. Плохое командование и незнание военного дела А.П. Зыряновым. Как отмечает И.И. Крылов: «Военное дело Зырянов знал плохо, поэтому у него так неудачно и получилось в 1921 году...» [19, л.17].
2. В воспоминаниях Н.Горяева отмечается случай измены, а именно порча оружия [13, л.55]. При этом стоит отметить, что, судя по документам комиссии по очистке рядов ВКП (б) сам Горяев в ходе этого сражения показал себя трусливо. Как пишет в своем заявлении М.Мезенцев: «... во время боя Горяев прятался в снег и бросил папку с документами, когда же мы стали отступать из под Вартовска, то я ему дал одну винтовку «гра» понести, но он не взял, сказав: «ну её, брось её в кусты»» [10, л.29].

3. В статье «Мятеж», написанной на основе воспоминаний очевидца, отмечается измена одного из бойцов и «крестьянский фактор», то есть недисциплинированность, которая привела к окружению коммунистов [31].

Не стоит также отрицать и местный фактор, а именно помощь повстанцам населения, без чего не был бы захвачен отряд в Зенького. Остатки отряда под командованием товарища А.В. Шанина отступали в сторону Нарыма. Ликвидация Сургутского восстания началась с 15 марта 1921 года, когда Губкомом, Губисполкомом Томской губернии была назначена Революционная военная тройка из товарищей Видягина, Федосеева и Блохина во главе 6-ой роты 25 полка и часть батальона Губчека в 25 человек [16, л.2]. К Сургутскому отряду, пополненному коммунистами из близлежащих волостей, пришло подкрепление из Нарымска в количестве 43 человек с винтовками и 2 пулеметами [13, л.56]. 19 марта был освобожден Нарымский край. В ходе наступления были разбиты и отступили повстанческие отряды от д. Мурасовой, где находился штаб восставших. Наступление продолжалось при незначительных стычках с повстанцами. Были взяты села Александровское, Прорытое, Покур. 30 марта было освобождено Локосово. 31 марта разыгралось одно из самых крупных сражений за Сургутский уезд. С обеих сторон в сражении участвовало около 300 человек. Использовались лыжники и олени нарты. В результате повстанцы отступили в Сургут [16, л.5-6].

Советские войска закрепились в д. Локосово. Как отмечает Федосеев: «...по причине наступившего бездорожья и отсутствия военных припасов» [16, л.5-6]. В Локосово был образован Сургутский уездный военно-революционный комитет и уездное партийное бюро. В состав уездвоенревкома вошли: председатель Федосеев, члены — Шанина и Редяев. Уездвоенревком распространял свою деятельность на 3 волости: Лумпокольскую, Локосовскую и Новоникольскую. 18 мая 1921 г. в Локосово прибыл пароход «Алтай» с командой в 150-200 человек красноармейцев из 86-ой стрелковой бригады 29-й дивизии, расквартированной в г. Томске. Используя хитрость, они освободили 2 мая г. Сургут [5, л.1-3]. Хитрость заключалась в том, что части Красной Армии выдавали себя за мятежников, входили в доверие и уничтожали повстанцев. Именно таким способом было освобождено село Самарово [23]. Сургут был окружен со стороны суши и с «Алтая» был высажен десант [6, л.1-5]. В результате Сургут был взят без боя и активного сопротивления со стороны противника.

Что касается численности повстанцев, то точных данных нет. При рассмотрении данной проблемы надо учитывать, что на территории Сургутского уезда активно действовали отряды из Южных районов губернии, которые в апреле-мае ушли с территории Сургутского уезда [22, с. 95]. В воспоминаниях Зырянов Николай Петрович замечает: «...в Сургуте скопилось около 1200 повстанцев» [7, л.19], и это ещё до ухода отрядов из других районов Западной Сибири. В русле этой проблемы также интересно замечание председателя Сургутского уревкома Федосеева. Он отмечает, что «минимум 50% мужского населения добровольно ушло к белым, в большинстве же угнано силой» [19, л.1]. На основе данного замечания и примерных подсчетов получается, что в восстании участвовало около 2000 тысяч человек местного населения. Часть населения была мобилизована, но в основном это было прикрытие для дальнейшего оправдания перед Советской властью. Поскольку в официальных документах и воспоминаниях не отмечено случаев добровольной сдачи повстанцев или перехода на сторону красных частей. Таким образом, мы пришли к выводу, что численность повстанцев в Сургутском уезде была в пределах 1-2 тысяч человек.

В ходе восстания с одной и другой стороны в борьбе активно использовались методы террора и физического уничтожения противника. С Советской стороны данные явления выражались в расстрелах заложников, самосудах и т.д. Повстанцы также расстреливали коммунистов и сочувствующих. Причем, во многих воспоминаниях и исследованиях отмечаются случаи «издевательств». Например, как в воспоминаниях Таисии Томингас, где отмечается: «Всех коммунистов мужчин в ту же ночь увели и на церковной огаде убили деревянной

колотушкой» [13, л.20]. Эти факты, на наш взгляд, объясняются малым количеством боеприпасов у восставших, и в связи с этим, введением таких методов казни. Да и сами повстанцы кардинально отличаются от созданного в Советской историографии образа «кроважадного бандита». Как отмечается в воспоминаниях, многие советские активисты и члены их семей ссылались в другие регионы [13, л.20]. Многих брали на поруки жители города и уезда [19, л.95]. Здесь сыграли роль фактор общности и родственные связи населения. Чтобы эти факторы не влияли на Сургутских повстанцев, из крестьян других территорий были созданы карательные отряды. Нами уже отмечался отряд казымских хантов, которые проводили расстрелы в городе Сургуте. В.И. Николаенко в своей работе выделяет отряд «Северные орлы» под командованием Зиновьева, сформированный из крестьян Бронниковской волости Тобольского уезда. Данный отряд состоял в основном из молодых парней середняцких семей [22, с. 96], которым выпала самая страшная работа в войне. Как видно, это были не кулаки-головорезы, какими их представляла советская историография, а просто люди, боровшиеся за свои идеалы, мечты о свободной жизни.

Да и сама гражданская война предопределила такие методы борьбы. Сам характер войны, направленной на уничтожение активных противников и беспрекословное подчинение остальной части населения, обусловил такие методы борьбы. При этом надо учитывать психологический фактор — снятие в результате гражданской войны определенных барьеров по отношению к жизни человека, к обществу.

Постоянная смена власти в результате боевых действий, несомненно, сформировала взгляд у населения о возможности с помощью военной силы установить наиболее оптимальную для них форму правления на основе глубоких традиций и взглядов на развитие общества.

ВЫВОДЫ. Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что импульсом к вооруженным выступлениям в Сургутском уезде послужил перенос боевых действий между повстанцами и коммунистическими частями на территорию Тобольского Севера. Данные выступления вспыхнули в конце февраля — начале марта 1921 года, несмотря на военное положение и репрессивные меры Советских органов власти. Первые восстания произошли в юго-западном районе уезда, а одним из центром являлась Тундринская волость. Данные выступления имели успех на начальном этапе восстания, что было связано с поддержкой местного населения и ослаблением военной силы большевиков в уезде. В ходе восстания 9 марта был занят город Сургут, а позже и весь уезд. Созданы демократические органы власти повстанцев, учитывающие традиции местного самоуправления. Но общими силами Сургутских, Нарымских большевиков и частей регулярной армии город Сургут был освобожден 22 апреля 1921 года. В вооруженных выступлениях можно выделить два этапа:

1. Март — середина апреля 1921 г. — период установления власти повстанцев в Сургутском уезде.
2. 15 апреля — 22 мая. — подавление повстанческого движения и освобождение города Сургута. Восстановление большевистской власти в уезде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белимов И.Г. Разгром кулацкого мятежа в Сургутском уезде 1921 г. // К победе коммунизма. 1983. № 37–41.
2. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 402. ОП. 1. Д. 113.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 279.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 277.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 429.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. ОП. 1. Д. 18.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. ОП. 1. Д. 27.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 278.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1545. ОП. 1. Д. 9

10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 112. ОП. 1. Д. 57
11. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 217. ОП. 1. Д. 25.
12. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 217. ОП. 1. Д. 31.
13. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 217. ОП. 1. Д. 58.
14. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 158. ОП. 1. Д. 115.
15. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 158. ОП. 1. Д. 72.
16. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.154.ОП.1.Д.11.
17. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.154.ОП.1.Д.17.
18. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.185.ОП.1.Д.2.
19. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.217.ОП.1.Д.55.
20. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.217.ОП.1.Д.56.
21. Николаенко В.И. Время трагедий // Мы вместе. 2002. № 3, 5, 7-12.
22. Николаенко В.И. Из истории восстания 1921 года в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. Сургут: Изд-во «Диорит», 2002. С. 77-101.
23. Патрикеев Н. Секретная экспедиция // Новости Югры. 1996. 20 апреля.
24. Петрова Л.В., Показаньев Ф.Я. Сургут. Свердловск: Сред.Урал. кн. изд-во, 1987. 112 с.
25. Показаньев А.Н. Не по службе, а по душе // Югра. 2002. № 3. С. 44-51.
26. Показаньев Ф.Я. Город древний, город славный. Сургут: АИИК «Северный дом», 1994. 160 с.
27. Показаньев Ф.Я. Далекое-близкое: [Док. рассказ об истории городской партийной организации] // К победе коммунизма. 1984. 17 января. С. 6, 11-14.
28. Показаньев Ф.Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации. Сургут, 1974.
29. Показаньев Ф.Я. Тревожного времени дети: [Док. рассказ о первых комсомольцах 20-х гг.] // К победе коммунизма. 1985. 31 января. С. 9, 16. 23.
30. Сибирь в период гражданской войны — Кемерово: Обл.ИУУ, 1995. 143 с.
31. Смирнов Н. Мятёж // Тюменская правда. 1989. 15 апреля.
32. Стафеев О.Н. Причины вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году // Альманах казачества. 2018. № 35. С. 35-46.
33. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: Из истории национально-государственного строительства 1822-1941 гг. / Сост. Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова. Тюмень: Изд-во ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.
34. Хейфец Х. Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма) // Былое Сибири. Томск. 1923. № 2.
35. Цысь В.В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере: проблемы взаимодействия власти и общества в условиях политического кризиса: монография. Нижневартовск: НВГУ, 2018. 285 с.: ил.
36. Цысь В.В. О причинах западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 135-143.
37. Цысь В.В. Органы государственной власти и управления Временного правительства на территории Сургутского уезда // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень. 2003. С. 54.
38. Цысь В.В. Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 2. С. 49-53.
39. Цысь В.В. Участие Сургутской интеллигенции в западно-Сибирском крестьянском восстании 1921 года // Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов Материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны. Под редакцией Д.Н. Маслюженко. 2017. С. 140-147.

REFERENCES

1. Belimov I.G. *Razgrom kulatskogo myatezha v Surgutskom uyezde 1921 g.* [The defeat of the Kulak rebellion in the Surgut district in 1921] // К победе коммунизма. 1983. № 37-41. (In Russian).

2. *Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske* [The State Archive in Tobolsk]. F. 402. OP. 1. D. 113. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 279. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 277. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 429. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 4048. OP. 1. D. 18. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 4048. OP. 1. D. 27. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 278. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1545. OP. 1. D. 9. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 112. OP. 1. D. 57. (In Russian).
11. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 217. OP. 1. D. 25. (In Russian).
12. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 217. OP. 1. D. 31. (In Russian).
13. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 217. OP. 1. D. 58. (In Russian).
14. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 158. OP. 1. D. 115. (In Russian).
15. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 158. OP. 1. D. 72. (In Russian).
16. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.154.OP.1.D.11. (In Russian).
17. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.154.OP.1.D.17. (In Russian).
18. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.185.OP.1.D.2. (In Russian).
19. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.217.OP.1.D.55. (In Russian).
20. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.217.OP.1.D.56. (In Russian).
21. Nikolayenko V.I. *Vremya tragediy* [The time of tragedies] // *My vmeste*. 2002. № 3, 5, 7-12. (In Russian).
22. Nikolayenko V.I. *Iz istorii vosstaniya 1921 goda v Surgutskom uyezde* [From the history of the uprising of 1921 in the Surgut district] // *Ocherki istorii Surguta*. Surgut: Izd-vo «Diorit», 2002. S. 77-101. (In Russian).
23. Patrikeyev N. *Sekretnaya ekspeditsiya* [Secret expedition] // *Novosti Yugry*. 1996. 20 aprelya. (In Russian).
24. Petrova L.V., Pokazan'yev F.YA. *Surgut* [Surgut]. Sverdlovsk: Sred.Ural. kn. izd-vo, 1987. 112 s. (In Russian).
25. Pokazan'yev A.N. *Ne po sluzhbe, a po dushe* [Not by service, but by heart] // *Yugra*. 2002. № 3. S. 44-51. (In Russian).
26. Pokazan'yev F.YA. *Gorod drevniy, gorod slavnnyy* [The ancient city, the glorious city]. Surgut: AIK «Severnnyy dom», 1994. 160 s. (In Russian).
27. Pokazan'yev F.YA. *Dalekoye-blizkoye*: [Dok. rasskaz ob istorii gorodskoy partiynoy organizatsii] [Distant-close: [Doc. a story about the history of the urban party organization]] // *K pobede kommunizma*. 1984. 17 yanvarya. S. 6, 11-14. (In Russian).

28. Pokazan'yev F.YA. *Kratkiy ocherk istorii Surgutskoy partiynoy organizatsii* [A brief outline of the history of the Surgut party organization]. Surgut, 1974. (In Russian).
29. Pokazan'yev F.YA. *Trevozhnogo vremeni deti: [Dok. rasskaz o pervykh komsomol'tsakh 20-kh gg.]* [Children of an anxious time: [Doc. a story about the first Komsomol members of the 20s]] // *K pobede kommunizma*. 1985. 31 yanvarya. S. 9, 16. 23. (In Russian).
30. *Sibir' v period grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil War]. Kemerovo: Obl.IUU, 1995. 143 s. (In Russian).
31. Smirnov N. *Myatezh* [Mutiny] // *Tyumenskaya pravda*. 1989. 15 aprelya.
32. Stafeyev O.N. *Prichiny vooruzhennykh vystupleniy v Surgutskom uyezde v 1921 godu* [The reasons for armed demonstrations in the Surgut district in 1921] // *Al'manakh kazachestva*. 2018. № 35. S. 35-46. (In Russian).
33. *Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa: Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva 1822-1941 gg.* [The destinies of the peoples of the Ob-Irtys North: From the history of national state building in 1822-1941] / Sost. N.D. Radchenko, M.A. Smirnova. Tyumen': Izd-vo IPP «Tyumen'», 1994. 320 s. (In Russian).
34. Kheyfets KH. *Belyy banditizm. Sovety bez kommunistov (istoriya Narymsko-Surgutskogo banditizma)* [White banditry. Soviets without Communists (the history of Narym-Surgut banditry)] // *Byloye Sibiri*. Tomsk. 1923. № 2. (In Russian).
35. Tsys' V.V. *Zapadno-Sibirskoye krest'yanskoye vosstaniye 1921 g. na Tobol'skom Severe: problemy vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v usloviyakh politicheskogo krizisa* [The West Siberian peasant uprising of 1921 in the Tobolsk North: problems of interaction between government and society in the context of the political crisis]: monografiya. Nizhnevartovsk: NVGU, 2018. 285 s. (In Russian).
36. Tsys' V.V. *O prichinakh zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya 1921 goda* [On the causes of the West Siberian peasant uprising of 1921] // *Vestnik ugrovedeniya*. 2017. № 3 (30). S. 135-143. (In Russian).
37. Tsys' V.V. *Organy gosudarstvennoy vlasti i upravleniya Vremennogo pravitel'stva na territorii Surgutskogo uyezda* [Organs of state power and administration of the Provisional Government in the territory of the Surgut district] // *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': krayevedcheskiye zapiski*. Tyumen'. 2003. S. 54. (In Russian).
38. Tsys' V.V. *Surgut pod vlast'yu uchastnikov Zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya 1921 g* [Surgut under the rule of participants in the West Siberian peasant uprising of 1921] // *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 2. S. 49-53. (In Russian).
39. Tsys' V.V. *Uchastiye Surgutskoy intelligentsii v zapadno-Sibirskom krest'yanskom vosstanii 1921 goda* [Participation of the Surgut intelligentsia in the West Siberian peasant uprising of 1921] // *Revolyutsiya 1917 goda i Grazhdanskaya voyna: regional'noye izmereniye obshcherossiyskikh protsessov Materialy vserossiyskogo kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu Velikoy Rossiyskoy Revolyutsii i 95-letiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny*. Pod redaktsiyey D.N. Maslyuzhenko. 2017. S. 140-147. (In Russian).